

А. Н. Чубинский (Москва)

О СТРОЕВЫХ ФУЗЕЯХ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

КАК ИЗВЕСТНО, оружием, определяющим лицо европейского Нового времени, является мушкет, гладкоствольное ружье большого калибра, предназначенное для вооружения крупных масс пехоты. Если героем Средневековья мы привыкли видеть конного рыцаря в тяжелом вооружении, то популярный образ воина последующей исторической эпохи – вооруженный мушкетом пехотинец.

К началу XVIII столетия мушкеты за более чем полтора века своего существования претерпели немало изменений. В ходе эволюции этого оружия оно оснащалось разными типами замков – фитильными, колесцовыми, кремнево-ударными разных конструкций и, наконец, французскими батарейными; к нему приспособлялись ложи разной формы, планомерно уменьшался вес оружия в целом и длина ствола, вследствие чего стало возможным при стрельбе отказаться от подсошков. На рубеже XVII и XVIII столетий мушкет получил штык, который пехотинец мог смонтировать на дуле и временно превратить огнестрельное оружие в подобие копья. В России XVIII в. мушкет со штыком чаще всего именовался фузеей, но в других странах Европы то же оружие продолжало называться мушкетом. В нашей работе название мушкет будет употребляться как родовое, а фузея – как видовое название оружия. Иными словами, всякая фузея является мушкетом, но не всякий мушкет допустимо называть фузеей. В то же время в начале XVIII в. в русском языке эти слова были практически полными синонимами. В целом военный термин «мушкет» принципиально многозначен, определенного «типа мушкета» не существует, это совокупность разных типов

строевых гладкоствольных дульнозарядных ружей XVI–XIX вв. со сходными тактико-техническими характеристиками, а объединяющим признаком является длинный ствол большого калибра. Что касается русского наименования «мушкет», то в России XVII в. оно могло прилагаться и к таким типам стрелкового оружия, которые с современной точки зрения мушкетами не являются. В том числе мушкетами могли именоваться крепостные ружья, например, в одном из хранилищ Оружейной палаты в 1687 г. находился «мушкет з жагрою длинный трех аршин, станок кленовой, ствол полукруглой, от казны мишень с трубкою»¹.

Целью нашей работы является пополнение сведений о мушкетах петровского времени, в первую очередь русского изготовления. Наибольший интерес для нас представляют стволы этого оружия, конструктивные типы замков и форма лож. Большое внимание будет уделено обстоятельствам изготовления мушкетов в Москве, на Бархатном дворе и других производственных площадках Оружейной палаты. Надо сказать, что подобное исследование назрело давно: производство строевых мушкетов в Оружейной палате в интересующий нас период времени до сих пор не становилось предметом интереса отечественных исследователей.

Несколько слов нужно сказать о предшествующей эпохе бытования этого оружия в России. Первые крупные партии боевых мушкетов закупались царским правительством в странах Европы в преддверии Смоленской войны 1631–1632 гг. Так, в 1631 г. планировалось в Швеции «наняты... охочих солдатов пеших, да... купить на тех наемных людей ратныя збруи десять тысяч мушкетов с заряды, да пять тысяч шпаг»². Но большую часть вооружения в течение всего XVII в. Россия закупала в Нидерландах. Имеются сведения о том, что в 1630 г. только один голландский оружейный дилер Элиас Трип поставил 50 000 мушкетов³. Скорее всего, все это оружие было оснащено фитильными замками. Собственное производство мушкетов в России было развернуто не позже 1630-х гг. С. К. Богоявленский приводил данные о том, что «в 1639 г. Андрей Виниус должен был сдать по подряду 636 стволов голых мушкетных на немецкий образец да 136 стволов русского образца мушкетных». На основании цитаты из документа 1653 г. «фурмы пулечные пригодились только к старым голландским мушкетам, а русского дела к мушкетам те фурмы не годятся, велики» исследователь сделал вывод о том, что калибр у русских

мушкетов был меньше, чем у голландских⁴. К началу 1640-х гг. определенно существовало отечественное производство этого оружия, о чем мы можем судить по следующему документу 1641 г.: «По государеву... указу ... послать в Стрелецкой приказ ... полтора пуда зелья доброго, а простреливать тем зельем пятьсот пятьдесят мушкетов московского и тульского дела»⁵.

Исследование М. Н. Ларченко, посвященное царской оружейной казне в 1647 г., показало, что из хранящихся в ней 9410 мушкетов почти половина была снабжена русскими замками, остальные были фитильными, «с жаграми»⁶. Поскольку стрелковое оружие с русским замком в середине XVII в. не могло производиться нигде, кроме России, указанные мушкеты с полным правом можно считать российскими (пусть даже значительная их часть могла иметь импортные или откованные на заводах Андрея Винуса стволы). Местом изготовления огнестрельного оружия обычно считается место его сборки вне зависимости от происхождения отдельных деталей. Отметим, что в той же описи 1647 г. в числе строевого оружия числился 741 мушкет с «барабарскими замками»⁷, то есть французскими батарейными.

В документе 1652 г. сообщается общее количество мушкетов, выданных из Оружейной палаты с 1647 г.: «Выписано в Оружейном приказе на перечень что с прошлого 155-го году по ныншей по 160-й год марта по 1-е число при боярине и оружейничем при Григорье Гавриловиче Пушкине... в розные приказы и по подписным челобитным мушкетов... в росход вышло 7874 мушкетов з жагры и с шпаги, и с подсошки, и з бандалеры; 3126 мушкетов з замками немецких; 1241 мушкет з замками ж стволы немецкие, а станки и замки руское дело; 798 мушкетов з барабарскими замки руского и немецкого дела; да московского дела, что деланы стволы на Бархотном дворе, а логи и замки в Оружейном приказе 13 497 пищалей. Всего с рускими и з барабарскими замками немецкого и руского дела в росход мушкетов 18 652 мушкета. Абоего з замки и с фитилями 26 526 мушкетов»⁸.

Как видно, наблюдается заметный перевес оружия с искровыми замками над фитильным, пусть даже мы не знаем, какой именно тип замка именовался немецким. Интересно, что наибольшая часть длинноствольного оружия – тринадцать с половиной тысяч «пищалей» – сделаны на Бархатном дворе и в Оружейной палате, но неизвестно, мушкеты ли это или традиционные боевые русские ружья (например, малокалиберные с русскими замками

и аркебузными прикладами), которые в конечном итоге суммируются с мушкетами. Наибольший интерес представляет упоминание мушкетов с «барабарскими замками русского и немецкого дела». Эта запись подтверждает массовое производство французских батарейных замков в России в середине XVII в.

В 1657 г. московское правительство заключило договор с голландским оружейным торговцем Питером Такоом о закупке десяти тысяч мушкетов со стволами двенадцатого калибра и ореховыми ложами, а также банделерами с десятью патронами из овечьей кожи⁹. Для пересчета этого весового калибра в линейный, скорее всего, нужно использовать амстердамский фунт, в таком случае получаем около 19 мм. Заметно сложнее истолковать сообщение о том, что в Новгороде на Пушечном дворе хранились «два замка обрасцовые, карабинной да мушкетной, каковы присланы из Москвы в прошлом 187 (1679. – А. Ч.) году»¹⁰. Это были, очевидно, кремневые искровые замки, но нет уверенности, что они принадлежали к русскому типу.

Важные данные о боевом оружии предоставляет документ служебной переписки между Пушкарским приказом и Оружейной палатой 1683 г., в котором сообщается о возвращении оружия из первого учреждения во второе. Оказывается, что в 1682 г. Пушкарский приказ находился у Оружейной палаты в подчинении, и в это время со «двора боярина Никиты Ивановича Романова из оружейных каменных амбаров перевезено на Пушечной двор ружья две тысячи двести сорок два мушкета новых немецких з галанскими замками, станки ореховые с медною и железною оправою»¹¹. Судя по более раннему документу, «голландскими» замками именовались батарейные: в 1657-м царь Алексей Михайлович заказал для покупки в Голландии у коммерсанта Ивана Гебдена «пистолы надежные, замки резные галанские о дву взводах»¹². Эти замки, несомненно, французского типа, их отличительной особенностью был безопасный полувзвод курка.

Помимо наиболее прогрессивных мушкетов с батарейными замками, в русской армии 1680-х широко были представлены и фитильные. В 1684 г. мастера Ствольного приказа, дочернего по отношению к Оружейной палате учреждения, собирали мушкеты со старыми мушкетными стволами и фитильными замками: «В прошлом во 193-м году... делали станочного дела мастера к ых великих государей мушкетным стволам новые станки з жагры... всего... зделали семьсот шездесят восемь мушкетов»¹³.

В каких-то случаях мы не можем уверенно судить о типе замка на боевых ружьях, например, исходя из документов о поставке в Россию в 1682 г. голландским купцом Ильей Табертом 4000 «шпанских» мушкетных замков¹⁴. Возможно, это были в действительности замки средиземноморского типа испанского извода.

Ясно, что к 1710 годам в русской армии бытовало оружие исключительно с кремневым замком французского типа. Но мы не знаем, когда именно этот замок стал преобладающим, а потом и единственным на отечественном оружии. Согласно Переписной книге 1687 г., в Оружейной палате в числе боевого армейского оружия хранилось более четырех с половиной тысяч мушкетов с фитильными, колесцовыми и кремневыми замками (более половины – русского производства), среди отдельных комплектующих деталей – около шести тысяч четырехсот стволов, четыре тысячи шестьсот фитильных замков, семьсот сорок искровых мушкетных(?) замков – колесцовых и кремневых, более шести тысяч мушкетных лож¹⁵. Особо отметим «тридцать восемь мушкетов з замками барабарскими, станки кленовые руское дело, оправы железные, цена по сороку алтын... тысяча восемьдесят пять мушкетов, стволы и замки, и станки московское дело, цена по сороку алтын... триста три мушкета з жагры, станки кленовые и ореховые, оправы медная и железная, в том числе дватцать два без замков, да девяносто два галанских, да пятьдесят один русских, цена по сороку алтын»¹⁶. Прокомментируем описание мушкетов «з замками барабарскими». Они явно были собраны в России (скорее всего на московском Бархатном дворе), так как их ложи «русское дело». Замки французского типа, возможно, импортные, но нельзя исключить их отечественное изготовление. Заметим, что оружие с французским замком именуется мушкетом, хотя в этой описи слово «фузея» уже используется¹⁷.

Неясно, какой именно конструкции «тульские замки» (скорее, русские, но нельзя исключить, что батарейные) были использованы при сборке нескольких сотен мушкетов на Бархатном дворе летом 1687 г., когда ложевые мастера Ствольного приказа делали ложи и собирали ружья, используя «старые мушкетные стволы», а также спуски и «хвостовые шурупы», изготовленные замочниками Оружейной палаты¹⁸.

Ежегодные заказы в Туле по 2000 фузей с «шкоцкими» замками практиковались с 1696 г.: «В прошлом 205-м и в нынешнем 206-м годех по указу великого государя зделано на Туле

в Казенной кузнецкой слободе на прошлой 205-й год против наряду 204-го году 2000 фузей с шкоцкими замки... генваря в 18 день Казенной слободы кузнецкой староста Ивашко Леонтьев... те фузеи привез к Москве, и то ружье... прострелено, зелье кладено по осми золотников в ствол... и то ружье после прострелу досматривал Оружейные полаты ствольного и замочного дела мастер Афонасей Вяткин, а по осмотри ево и по скаске то ружье стволы правленые без раковин и бес паек мерою и пулею в верхнею отделкою и замки и станки зделаны против образцовой фузеи... а после прострелу и досмотру то ружье в станки все собрано и к отдаче все в готовности»¹⁹. Согласно опубликованным И. Н. Юркиным документам, в 1697–1699 гг. из Оружейной палаты в Тулу поступали заказы на изготовление ежегодно по «2000 фузей с шкоцкими замки»²⁰. В деле 1697 г. из архива Оружейной палаты есть ссылка на более ранний заказ 1695 г.: «В прошлом 203-м году по указу великого государя велено зделать тульским казенным кузнецом в Оружейную полату 1000 фузей с шкоцкими замки»²¹. Заметим, что в 1697 г. крупные поставки осуществлялись туляками не только в Оружейную палату: «В нынешнем в 205-м году генваря в 31 день... велено тульскому казенному кузнецу Игнашке Васильеву поставить в Пушкарской приказ 5000 мушкетов тульского дела в ложах с шкотцкими замками самых добрых против образцового мушкета с прострелом ценою по рублю по 18 алтын по 2 деньги за мушкет»²². Поставка была запланирована тремя партиями в рассрочку: «1000 мушкетов на первой неделе Великого поста нынешнего 205-го году, 2000 мушкетов сентября к 1-м числу, 2000 ж мушкетов на первой неделе Великого поста 206-го году»²³.

Образец, по которому туляки обязывались делать указанные мушкеты и на который ссылался Афанасий Вяткин, наверняка был изготовлен в Оружейной палате. Именно в 1695 г. в Тулу из Москвы была послана «образцовая фузея», чтобы «сделать в казну... 1000 фузей... мерою и во всем в отделке учинить против образцовой, какова фузея сделана и дана им для образца за клеймом мастерства ствольного и замочного и станочного дела мастеров Афонасья Вяткина и Филипа Балтыря»²⁴. Эти данные подтверждают мнение Е. В. Мышковского о том, что «в 1695 г. в Туле началось производство ружей новых образцов для русской регулярной армии»²⁵. Авторами этого эталонного армейского оружия были два ведущих мастера Оружейной палаты конца XVII в., оба

мастера изготавливали замки англо-голландского типа, а Филипп Тимофеев Болдырев делал и французские батарейные замки.

Вопрос о едином образце пехотного мушкета 1695 г. здесь не может быть поднят. В том же документе сообщается, что «все фузеи были... против образцовой фузеи, а пулюю делать поменьши образцовой, против того, каковы фузеи деланы на Туле ж в нынешнем... году по наряду из Преображенского»²⁶. Следовательно, в 1695-м существовало минимум два образца, отличавшихся калибром. Не в меньшем количестве, чем в Туле, изготовление фузей со «шкоцкими» замками проводилось в Москве мастерами Ствольного приказа. Так, в июле 1697 г. «в Приказе ствольного дела налицо ружья и замков... 2279 стволов фузейных да 2364 замка шкоцких, и то ружье велено отделять в станки»²⁷. Но в последнем случае нам неизвестно происхождение стволов и замков.

Как видно, ключевым термином в цитированных документах является «шкоцкий замок». В нашем исследовании 2014 г., посвященном наименованиям замков эпохи Московского царства, было показано, что «шкоцким» замком в документах XVII в. именовался кремневый замок англо-голландского типа²⁸.

Действительно, в обстоятельном исследовании О. Г. Леонова и И. Э. Ульянова об оружии русской пехоты петровского времени утверждается, что «изначально на вооружении новоприобретенных солдат состояли «мушкеты» – кремневые гладкоствольные ружья – с замками англо-голландской или скандинавской системы. С начала XVIII в. широкое распространение получили ружья с французским батарейным замком»²⁹.

Можно было бы принять рабочую гипотезу, согласно которой на рубеже XVII–XVIII вв. искровые англо-голландские замки на мушкетах русской армии были заменены на французские. Но, как было показано выше, батарейный замок на русских мушкетах появился намного ранее петровского времени. Сомнительным оказывается и второе утверждение. Как показывают документы Оружейной палаты, фузеи 1700-х гг., точно так же как и мушкеты 1690-х, имели «шкоцкие» замки. Например, в июле 1702 г. ложевицу Оружейной палаты Фоме Марачеву было выдано «новых тульских двенадцать стволов придельвать новые станки с шкоцкими замки»³⁰; в 1703 г. было «принето на Бархотной двор Ствольного приказу у станошников у Филипа Лукьянова с товарищи всего 3 человека по двенадцати фузей присажены в новые станки с шкоцкими замки, делали по станку в день»³¹; «1706-го

мая в 18 день отдано на Бархотном дворе тульским казенным станошником Максиму Камаеву с товарищи дватцети человеком по шести стволов присаживать в новые станки с шкоцкими замки, делать в день по станку»³², «1707-го генваря в 11 день по указу великого государя принято на Бархотной двор у кормовых станочников у Ивана Осипова... по двенатцати фузеи присажены в новые станки с шкоцкими замки; делали в день по станку, итого семдесят две фузеи»³³. Наименование «шкоцкий замок» продолжало существовать и в 1710-х гг., как показывает обстоятельный словарь тульской оружейной лексики Н. А. Щегловой³⁴. Причем никакие другие конструкции замков в документах этого времени за небольшим исключением не упоминались.

Невозможно предположить, что все эти замки принадлежали к англо-голландскому типу, невероятным кажется и предположение, что в конце XVII в. голландские и французские замки функционировали параллельно, и для них использовалось одно и то же наименование. Единственное возможное объяснение этой загадочной ситуации таково: «шкоцким замком» по меньшей мере с 1690-х гг. именовался французский батарейный. Строевое оружие XVIII в. с англо-голландскими замками неизвестно вообще, а документы рубежа веков не показывают перехода на принципиально новую конструкцию. Последние изготовленные в России «шкоцкие» замки, которые точно являются замками англо-голландского типа, фиксируются в конце 1670-х – нач. 1680-х гг. Возможно, оружие с англо-голландскими замками производилось в Оружейной палате и несколько позднее, но у нас нет точно идентифицированных в письменных источниках предметов стрелкового оружия, по которым мы могли бы убедиться в соответствии названия «шкоцкий замок» и определенной конструкции. К сожалению, мы не имеем и более поздних образцов оружия двух последних десятилетий XVII – первых десятилетий XVIII столетия, для которых можно было бы установить аутентичное наименование замка в современных им документах. Но существует еще один серьезный аргумент в пользу того, что в начале XVIII в. «шкоцким» называли именно французский батарейный замок. В документах Оружейной палаты, начиная с 1701 г., часто упоминаются ручные мортирки, и во всех случаях, когда их механизм воспламенения имеет уточняющее наименование, это «шкоцкий» замок. Например, в сентябре 1702-го было «отдано Ствольного приказу станошником Ивану Васильеву,

Григорью Лукьянову по шти мартир приделывать в новые станки с шкоцкими замки»³⁵; в марте 1703 г. «отдано з Бархотного двора посторонним станошником Михаилу Васильеву с товарищи пяти человеком по двенатцати мартир приделывать в новые станки с шкоцкими замки»³⁶. В то же время практически все сохранившиеся в мировых собраниях оружия образцы ручных мортирок снабжены французскими замками, не существует ни одной мортирки с кремневым замком англо-голландского типа³⁷.

Таким образом, мушкеты «раннепетровского» времени, предшествовавшего Северной войне, могли иметь русские и даже фитильные замки, но уже в 1680-х гг. были широко распространены мушкеты с французскими замками. Не позднее середины 1690-х гг. в России широко развернулось производство собственных мушкетов с батарейными замками, причем последние изготавливались в Туле, возможно, и в Москве. Все импортные фузеи этого времени наверняка имели французские замки и, скорее всего, ореховые ложи. Военные ружья, которые производились в Москве на Бархатном дворе, часто имели «починошные» стволы, переставленные со старого оружия. Ложи русских мушкетов в каких-то случаях были кленовыми и, скорее всего, имели французский приклад, но прямых доказательств этому нет. О приборе лож имеется сообщение конца января 1698 г. в деле о заказе в Туле «2000 фузей с шкоцкими замки», где указывались расценки на отдельные детали: «Ствольным заварищком по 25 алтын на ствол, замочником по 10 алтын по 4 деньги на замок и с прибором, станочником на древе к клепанью и с крепкой водкою, и с трубки, и с шонполю, и с набойники по 4 алтына по 2 деньги на станок»³⁸. Не вполне ясно, почему за шомпольные трубки и «набойники» (прибойники шомполов) платят ложевым мастерам, так как детали прибора должны изготавливать замочные мастера. Наличие шомпольных трубок говорит о том, что шомпольный канал на цефье был открытым.

Мушкеты в это время приобретались не только Оружейной палатой, но и другими ведомствами. Выше мы приводили данные о заказе в Туле пяти тысяч мушкетов Пушкарским приказом. Закупал зарубежное вооружение и Разрядный приказ. Например, в 1697 г. мастера Оружейной палаты были командированы в Разряд для контрольного отстрела 1500 мушкетов, которые были куплены «у иноземца Данилы Артамонова»³⁹ (очевидно, Даниила Гартмана). Но другие центральные учреждения, как мы видим, не

имели столь обширного штата оружейных мастеров, производственной и ремонтной базы для боевого армейского оружия.

Здесь требуется уточнить, что мастера Оружейной палаты непосредственно почти не занимались изготовлением боевого оружия. Крупнейшим государственным учреждением, специализирующимся на производстве и ремонте строевого оружия русской армии, прежде всего огнестрельного, был Ствольный приказ, формально не подчиненный Оружейной палате. Однако должность судьи обоих учреждений чаще всего совмещал один и тот же руководитель; по сути, Оружейная палата курировала производство оружия в Ствольном приказе. Его мастерские и складские помещения находились за кремлевской стеной на берегу Москвы-реки, это место носило наименование Бархатного двора⁴⁰.

Начало Северной войны по времени почти совпало с непосредственным переподчинением Ствольного приказа Оружейной палате. Собственный архив Ствольного приказа не сохранился, но его деятельность с 1700 г. подробно отражена в приходно-расходных книгах Оружейной палаты, которая, таким образом, сосредоточила в своих руках договоры о закупке «заморского» вооружения и его отдельных деталей, договоры о подрядах с московскими частными изготовителями, а также изготовление армейского оружия, в том числе с использованием импортных деталей, ремонт и рассылку вооружения в полки и другие города. На основе документов Оружейной палаты мы постараемся изложить историю русских мушкетов интересующего нас периода времени.

Мушкетные стволы (и мушкеты) в России первого десятилетия XVIII в. были большей частью импортными, преимущественно голландскими. Со ссылкой на архивные документы Л. К. Маковская писала, что в 1706–1708 гг. купцы И. Любс и З. Дикс поставили в Оружейную палату помимо 25 050 фузей отдельные комплектующие – 25 058 стволов (и 58 420 замков)⁴¹. Оружие, поставляемое европейскими коммерсантами, могло производиться и на заводах, расположенных в России. Так, договор, подписанный голландцем Елизаром Избрантом в 1700 г., требовал, чтобы он «зделал... в Оружейную полату... на своих железных заводах две тысени фузей, стволы из олонского доброго железа с шкотцкими замками заморского дела и с скобами, и с прибором, с станками кленовыми з двема петли все в отделку самым добрым мастерством против обрасцовой голанской фузеи, какова ему дана за орлом и за печатью из Оружейные полаты, а зделать ему те

фузеи... и отдать в Оружейную полату на прострел, а за те фузеи взять ему... по рублю по тринадцати алтын по две денги за фузею (1 руб. 40 коп. – А. Ч.)»⁴².

Значительная часть фузей и фузейных стволов поставлялась из Тулы, например, в январе 1701 г. было выдано «казенным кузнецом Никите Демидову да Максиму Масолову за три тысячи фузей по рублю по шти алтын по четыре деньги наперед половина... те фузеи посланы в Новгород»⁴³. Скорее всего, это оружие входило в двухгодичный заказ 1701–1702 гг. на восемь тысяч фузей⁴⁴. Иногда в Тулу передавались для сборки готовые стволы и замки, очевидно, импортные.

При этом архивные документы не содержат упоминаний о производстве фузейных стволов на Бархатном дворе. Лишь косвенные данные указывают на возможность такого производства: «В нынешнем 1702-м году... работают на Бархотном дворе чернодельцы... на девети горнах сверлоки отковывают большие мушкетные по два сверлока в день»⁴⁵. Думается, что упомянутыми сверлами рассверливали старые стволы (ржавые или горелые) при ремонте, например, в том же документе повествуется о том, что тульские кузнецы «Микита Ченцов с товарищи... перedelывают старые мушкетные стволы заново, обтирают те стволы большими пилами»⁴⁶. Аналогичным образом в 1702 г. «оружейных дел мастеру тулянину Никите Демидову... [было] велено... из старых жагрёных ржавых тысячу стволов нутра развертеть и верхи обелить и вычистить и поставить во всякой отделке з замками и станками доброю работою во всем против немецкого ружья, чтобы к стрельбе было надежно и бестрашно»⁴⁷. Заметим, что на стволах этих ружей, снятых с европейских фитильных мушкетов, могли остаться прежние клейма. Подобные наряды встречались и в более поздние годы: «Туляном на дело ржавых пяти тысящ стволов на чистку и для присадки в станки по пятнатцати алтын от ствола»⁴⁸; в 1705 г. «работали на Бархотном дворе Ствольного приказу черноделец Григорей Крапов с товарищи... сверлили у старых горелых стволов нутры, а высверлили в шесть дней дватцать стволов»⁴⁹.

Небольшие партии фузейных стволов Оружейная палата покупала у посадских (не казенных) тульских кузнецов: «1703-го марта в 20 день... выдать... тулянину Якову Никифорову за взятые фузейныя за тритцать за пять стволов по дватцати алтын за ствол»⁵⁰. Тульские стволы часто фигурируют в делах о сборке

оружия, например, станочнику Фоме Марачеву было дано «новых тульских двенадцать стволов приделывать новые станки с шкоцкими замки... на попку клепаки, клею, вотки, хвощу, шонполов по осми денег»⁵¹.

Выявлены единичные закупки фузейных стволов у устюжан. Так, в октябре 1703 г. было «выдано за 22 ствола по 20 алтын ствол устюженским кузнецам Ивану Травину с товарищи»⁵². Экзотично выглядит сообщение о выдаче «тулянину... за пять фузейных стволов красного железа по сороку алтын»⁵³. Как видно, дамасковые фузейные стволы стоили столько же, сколько полноценный мушкет в сборке.

Очень интересен факт заказа оружия в Павловской слободе, то есть в Павлове-на-Оке. В 1703 г. были выданы деньги «на дело в селе Павловском четырех тысяч фузей две тысячи рублей»⁵⁴.

Работы по ремонту старых стволов в Ствольном приказе сопровождались заменой казенных винтов, надо полагать, с хвостовиками. Например, осенью 1705 г. «отделщики Иван Черепан с товарищи... приделывали к старым фузейным стволам... новые казенные щурупы... и винты навивали, и в стволы завертывали»⁵⁵. Также при починке на стволы устанавливались ушки (серьги) для крепления шпильками на цефье, стандартная формулировка для такой работы – «петли в стволы ставили»⁵⁶. Упоминания мушек на стволах единичны, а прицелы не упоминаются вовсе. Возможно, это означает, что такой детали не существовало, для прицеливания служил желобок, выточенный на хвостовике.

Некоторые документы трудно прокомментировать. Так, в 1703 г. упоминаются некие «немецкие черные стволы», которые отделяют мастера Ствольного приказа, и «новые немецкие стволы»⁵⁷. Первое упоминание может означать, что неизвестные нам подрядчики поставляют в Оружейную палату неотделанные мушкетные стволы, откованные по образцу «немецких». Возможно, речь идет все же о старых мушкетных стволах со складов Бархатного двора, которые ремонтируются, включая смену казенных винтов: «В нынешнем 1703 году... работают на Бархотном дворе тульские казенные кузнецы Семен Чепарухин с товарищи... отделали девеносто стволов немецких, приделывали вновь казенные щурупы, правили и чистили»⁵⁸. «Новые немецкие стволы», скорее всего, импортные. Но известно, что большую часть этих деталей поставляли голландцы, в то же время

«голландские стволы» в документах Оружейной палаты не упоминаются. Остается предположить, что здесь использовалось традиционное для XVII в. определение «немецкий», означавшее «европейский», и что голландские стволы вполне могли проходить в документах под таким названием.

Подавляющее большинство замков на мушкетах начала столетия, с нашей точки зрения, конструктивно относились к французскому типу. В документах они назывались «шкоцкими» или просто замками без уточняющего определения. Тем не менее, в некоторых случаях замки характеризуются по месту производства. В июне 1703 г. было «принето на Бархотной двор Ствольного приказу у замощников у Филипа Артемьева с товарищи... сто тридцать два замка тульских и немецких, приделывали вновь у замков курки, огнива, пружины болшие и малые гупки, шурупы, ладышки, заделали в шесть дней»⁵⁹. Это список деталей замков французского типа, наиболее склонных к поломкам. Также это единственная формулировка, сопровождающая передачу замков в починку, другие формулировки не встречаются, хотя трудно предположить, что замочные доски и пороховые полки, которых нет в списке, никогда не ремонтировались. Для починки выдавались «надельные» деньги «на покупку железа, на сталь, на уголья по четыре деньги на замок»⁶⁰.

Крайне редко в документах фигурируют другие детали замков или дополнительные данные. Например, в 1704 г. коммерсанту Захарию Диксу было выдано «за четыреста плоских замков по шестнатцами алтын по четыре денги замок»⁶¹. Скорее всего, это были французские замки с плоскими досками и плоскими же курками (по 50 копеек штука). Такие замки чаще всего снабжались собачкой – внешним предохранителем в виде крючка, зацепляющего курок в положении полувзвода. Эту деталь отмечал даже царь Петр Алексеевич, например, в своем письме князю М. П. Гагарину в 1708 г.: «Господин полковник и камендант! К предбудущей кампании подряди из-за моря вывезть дватцать тысяч фузей, которые б были мерою одного калибра и замки с собачками. А денег на то ружье половину... сыщи ныне... зело нужно»⁶².

Замки массово поставлялись европейскими купцами, например, в августе 1701 г. было выдано «иноземца ильиной жене Таберта за пять тысяч замков фузейных по десяти алтын, итого тысяща пятьсот рублев»⁶³, причем «ис того числа послано на Тулу х ружью две тысящи замков»⁶⁴.

Отдельные замки, а также фузеи изготавливались в Москве в частных мастерских Немецкой слободы, причем непосредственными работниками были русские ученики. Например, у мастера Яна Катти в октябре 1705 г. работали «по указу великого государя... в слободе у иноземца замочного мастера... ученики три человека, ковали замки, а пять человек отделявали, а отделил всякой по три замка салдатских»⁶⁵. В декабре в той же мастерской «иноземца Яна Катти» русскими учениками делались «афицерския замки»⁶⁶, очевидно, для офицерских ружей. 13 октября 1705 г. «в слободе у иноземца станочного мастера Яна Кеенберха ученики... делали фузеи салдатския, к стволам станки и прирезвали замки с приборы»⁶⁷. В последнем случае явно использовались готовые стволы, замки и части прибора.

Сходная схема сборки наблюдалась и у казенных мастеров. Так, 31 мая 1702 г. «были у дела на Бархотном дворе Ствольного приказу станошники староста Иван Петров с товарищи шеснатцать человек, приделывали новые станки к старым немецким стволам и замкам, а делали каждый человек по станку на день... да они же приделывали х крестовским фузеям шкоцкие немецкие замки, а были у дела пять дней, а приделали по сорок замков»⁶⁸. Стандартный срок на изготовление ложи и сборку одного ружья станочным мастером – один день: «В 1702-м году августа с 4 числа... Оружейные полаты станошные мастера Демьяну и Саве Блисовым, Фоме Морачову дано им в дело по двенатцати стволов тульских приделывать в новые станки с шкоцкими замки по шти станков на неделю, по станку на день, а надельных денег... на покупку клепани, клею, вотки, хвощу, шенпалов по осми денег, Афонасей Вяткин руку приложил»⁶⁹; в 1703 г. было «отдано с Бархотного двора Ствольного приказу станошником Ивану Захарову с товарищи сорок шесть человек по двенатцати немецких новых стволов присаживать в новые станки с шкоцкими немецкими замки и приборы немецкие, делать по станку в день»⁷⁰; «1705-го... Ствольного приказу станошником Ивану Петрову с товарищи шести человеком на шесть дней по шести стволов присаживать в новые станки с шкоцкими замки... клепани, вотки, хвощу, шонпалов масла по остми денег на станок»⁷¹, «1706-го июня в 4 день... принето на Бархотный двор Ствольного приказу у станошников у старосты Ивана Захарова с товарищи у дватцети у девети человек по двенатцати фузеи присажены в новые станки с шкоцкими замки, делали в день по станку»⁷². Материалы, на

которые выдавались деньги, включали раствор азотной кислоты как основу для окраски ложки («водка»), хвощ для шлифовки лож и масло для их пропитки. Клёпанью именовались, скорее всего, торцованные доски, из которых вырезалась ложка⁷³. Неясно, как применялся клей при изготовлении новых лож, обычно его покупали для починки.

Другой вид работ, который выполняли ложевщики, – модернизация старых станков для возможности установки штыков с трубкой, для чего необходимо было укоротить цевье в дульной части, это место именовалось «устье» или «усье». В декабрьском документе 1706 г. сообщается, что «работали на Бархотном дворе посторонние станошники Сидор Федоров с товарищи... обрезавали устье у станков и станки поклеивали и медью у станков устье огибали, всего обрезали двести станков»⁷⁴. Здесь упоминается ленточный наконечник цевья в виде медной оковки, реже эта деталь бывает железной: «Работали на Бархотном дворе... станошники... обрезавали усье у станков по дватцети по семи в день, и усье... жостью огибали и станки поклеивали... всего обрезали усьев у станков девесот семьдесят два»⁷⁵.

Форма фузейных лож на русских мушкетах первого десятилетия XVIII в. в документах не описана. Скорее всего, русское оружие повторяло импортные фузеи, которые наверняка имели приклады французского (фузейного) типа с прямыми ребрами и круглой в сечении шейкой. Но хоть сколько-то твердых доказательств этому нет. На рисунках в уставе Вейде 1698 г. приклады на мушкетах иногда показаны с вогнутым нижним ребром⁷⁶, что позволяет отнести их ложки к французскому типу, в других случаях нижнее ребро у прикладов выгнутое⁷⁷, как у старофранцузской ложки.

Что касается материала лож, нам встречалась только древесина клена: «Подрятчику за пятьсот пять станочных фузейных кленовых деревьев семь рублей пятнатцать алтын»⁷⁸, «1709-го генваря... выдать... за поставленные станочные кленовые восьмьсот сорок пять дерев по уговорной цене по четыре денги за дерево... подрятчику Троецкого Сергиева монастыря села Шарাপова крестьянину Григорью Трофимову»⁷⁹. Упомянувшиеся Ю. В. Шокаревым дуб, ясень и вяз как материал для лож солдатских фузей⁸⁰ в документах начала XVIII в. не найдены. Есть редкие упоминания ореха, но только как ложевого материала для ружей по меньшей мере офицерских: «В прошлом 1707-м году... Оружейные полаты

кормовой станосник Василей Насонов... фузею осажевал в новой ореховой станок в Преображенское на государев двор, а делал фузею шесть дней»⁸¹. Помимо кленовых шомполов иногда упоминаются дубовые: «1705 году... станосники... растирали ис фузейного кленового дерева, которое негодно на станки, страгали по дватцети шонпалов в день»⁸², а в 1701 г. из Оружейной палаты выдавались деньги на покупку «на шонполы досок дубовых»⁸³. Чаще всего на покупку шомполов ложевым мастерам выдавались деньги, но иногда их делали в казенных мастерских: «Работали на Бархотном дворе посторонние станосники Атамон Григорьев с товарищи... принято ис починки сто фузей, станки наставляли и клеивали, да оне ж страгали шонапалы по тридцети в день»⁸⁴.

Какие именно детали входили в прибор мушкетных лож рассматриваемого времени, показывает запись 1703 г.: «Выдать от расхода подьячего Андрея Беляева денег на дело фузейных приборов... а в приборе по скобе, по спуску, да по два шурупа привертных, по шурупу хвостовому, за прибор по шти денег»⁸⁵. Прибор часто поставляли подрядчики по данным им образцам, например, тяглецы Бронной слободы Андрей и Федор Сорокины в 1703 г. «уговорились зделать в полату Оружейную... 6000 фузейных приборов; а в приборе по скобе, по спуску, по 2 шурупа привертных, по шурупу хвостовому против данных обрасцов»⁸⁶. Прибор к «винтованным пищалям», которые также производились на Бархатном дворе и представляли собой, надо полагать, офицерские винтовки с традиционными русскими нарезными стволами и фузейными ложами, был в разы дороже, чем на солдатских фузеях: «Подрятчику на дело приборов к десяти винтовальным пищалем по шти алтын по четыре деньги (20 копеек. – А. Ч.)»⁸⁷. Фурнитура «солдатской ложи», стоившая 3 копейки и именовавшаяся в документах «прибором по пяти мест» (из пяти деталей) определенно не содержала ни затыльника, ни замочной личинки. Точное перечисление деталей ложи винтовальной пищали мы можем узнать для 1702 г. – «...на дело к винтованым к двумстам пищалем приборов двести, а в приборе по скобе, по пыжовнику с трубою, по три трубки шомполных, по два шурупа привертных, по дощечке, которая бывает под шурупами, по шурупу хвостовому, по спуску з дощечкою, по зашолчке... по шести алтын во четыре деньги»⁸⁸. Здесь также нет ни затыльника, ни наконечника цевья, но есть непонятная «зашелчка» и спусковая личинка. Интересно, что этот заказ мог быть передан посадским

оружейникам в сентябре 1702 г.: «Отдано с Бархотного двора Самопального ряду станочником присланные с Тулы винтованные сто девяносто два ствола, сделать к ним новые станки и переделать к ним шкоцкие замки и приборы и выкрасить под орех»⁸⁹.

К числу единичных упоминаний деталей прибора лож относится сообщение о покупке в ноябре 1702 г. «на фузейные ободки буйлового рога на десять алтын»⁹⁰; очевидно, здесь имеются в виду роговые наконечники цевья.

Среди деталей прибора не позднее 1702 г. в документах встречаются «погоны с кольцами»⁹¹. В апреле 1706 г. «Ствольного приказа замощники Авдоким Уродов с товарищи... восемьдесят погонов с кольца отделали, да дватцать три пары пистолей приделывали дватцать четыре курка»⁹². Погоны «нагоняли» на фузеи, например, в апреле 1703 г. «работали на Бархотном дворе... отдельщики, три дни присаживали шпаги в день по дватцати шпаг всякой человек, да два дни на фузеи погоны нагоняли, да день черные крыжи обтирали»⁹³. Это позволяет заключить, что под «погонами» понимались погонные скобы драгунских фузей, которые монтировались на ложе слева и крепились задним замочным винтом и обоймицей, нагнанной на цевье. Эта скоба позволяла возить фузеи в седле на плечевой перевязи. Неясно, правда, какая деталь в приведенных цитатах именовалась кольцом, – собственно кольцо, скользящее по скобе, к которому крепится карабин перевязи, или обоймица (ложевое кольцо) на цевье. Возможно, обе детали носили одно название: «1707-го генваря с 20... отдельщики... отделявали в день по пети погонов с колцы с плоскими и с круглыми, а в шесть дней по тритцати»⁹⁴. «Плоские кольца» здесь наверняка обоймицы. Таким образом, упоминаемые в документах «погоны» служат маркером драгунских ружей, которые в явном виде в текстах не значатся. Выше мы цитировали документ 1700 г. о поставке Елизаром Избрантом тысячи фузей «с станками кленовыми з двема петли»⁹⁵. Это наверняка антабки, но других упоминаний этих деталей мы не знаем. Встречаются упоминания ружейных ремней, например, в 1705 г. был заключен подряд на поставку «к драгунским фузеям ремней яловичных красных»⁹⁶.

Вряд ли прибор лож первых лет XVIII столетия был качественным. В 1702 г. фузейный прибор оценивался в 5 денег, то есть 2,5 копейки, а для крепежа спусковых скоб использовались «гвозди малой руки»⁹⁷.

Важные детали о фузеях московский работы можно почерпнуть из дела об освидетельствовании на Петербургском Оружейном дворе в 1722 и 1724 гг. ружей, предложенных частным поставщиком москвичом Василием Лазаревым. В 1722 г. этот коммерсант представил «две фузеи, одна русской, другая немецкой работы... а по свидетельству... немецкой фузеи раковины великие и с пробы порвался, а русской фузеи замок и станок русского дела, токмо ствол старый шведского дела и оные фузеи в указанные калибер явились негодными, понеже калибером ниже». В 1724 г. Лазарев предложил «немецких и тульских фузей... по три фузеи... у немецких фузей замки плоские с собачками, а что объявлены тульские и оные фузеи не тульские а именно значит стволы старые, осатка (сборка. – А. Ч.) московская, замки круглые, мастерства самого плохого и разнокалиберные станки кленовые, и оное ружье пробовано, и с пробы устояли пять фузей, а шестой фузеи амстердамского дела один ствол разорвало пополам⁹⁸. Оба осмотра проводились при участии надзирателя оружейного двора Константина Аввакумова, бывшего мастера Оружейной палаты, который был переведен в Санкт-Петербург в 1711 г. вместе с большой группой московских оружейников⁹⁹, а в 1700-е годы он руководил сборкой оружия на московском Бархатном дворе. Интересно, что в первом случае ствол русского ружья оказался старым шведским, а во втором одно из русских ружей, похоже, имело также старый голландский ствол, который разорвало при отстреле. Очень важно, что замки «немецких» фузей – «плоские», то есть с плоскими замочными досками и с собачками. Замки на ружьях московский сборки («осадки») – «круглые», то есть с округлой поверхностью замочной доски, и невысокого качества. Отметим и материал ложи у фузеи «московской осадки» – клен.

Приведем также цитату из приходно-расходной книги Оружейной палаты 1705 г., существенно расширяющую наши знания об оружии, которое могло именоваться фузейей: «1705-году октября в 24 день в полате Оружейной боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи оружейных дел мастер Афонасей Вяткин доносит... велено тульские де широкие усье работы Микиты Демидова дела семьсот фузей с турецкими замки, а у тех фузей велено широкие усье оттереть и к ним присадить багинеты и приделать замки шкоцкие, а на поклейку тех станков надобно рыба клею пуд, да белово железа педесят листов, да сала квашенного к сверленью багинетов, к чистке и к смаске ружья

десять пуд»¹⁰⁰. Эта цитата показывает, что Никита Демидов поставил в Оружейную палату ружья с замками турецкого типа (только так можно понять определение «турецкий») и стволами, имеющими то или иное дульное расширение («широкое устье»). Для присаживания штыков дульную часть этих стволов необходимо сточить и сделать цилиндрической, а замки на ружьях заменить французскими. Калибр этих стволов был достаточно большим, в противном случае их не стали бы переделывать в строевые фузеи. Следовательно, это не могли быть традиционные стволы казачьих или завесных пицалей с дульным раструбом, калибр которых редко превышал 13 мм. Остается предположить, что стволы принадлежали к турецкому типу с грушевидными утолщениями на дуле. Подобные стволы длиной около полутора метров и калибром 16–18 мм ковали мастера Оружейной палаты в 1674 г., наверняка и тульские казенные кузнецы¹⁰¹. Неясно, где были сделаны замки средиземноморского типа турецкой версии (с боковой планкой), исходно установленные на «фузеях». С большой вероятностью, в Туле, но пока такое свидетельство единично, можно предположить, что Демидов использовал замки турецкого происхождения, например, захваченные после взятия Азова в 1696 г. Крайне интересен вопрос о ложах демидовских «фузей»: турецкие микелеты, как правило, устанавливались только на станках турецкого же типа.

В завершение приведем комментарий к поступлению в 1701 г. во Владимирский пехотный полк «987 мушкетов тульской работы» и «1064 багинетов»¹⁰². Это оружие не могло быть поставлено в полк напрямую из Тулы. С большой вероятностью, оно на каком-то этапе должно было оказаться в Оружейной палате и на Бархатном дворе, возможно, там же оно были модернизировано, а «багинеты» присажены к ружьям. Отдельный вопрос – причина именования упомянутых мушкетов как тульских. Вряд ли они были определены как тульские по каким-то характерным признакам на самом оружии, клеймам или надписям, скорее, информация о тульском происхождении находилась в сопроводительных документах. Однако теоретически из основных деталей этих фузей собственно тульскими могли оказаться только ложи, а стволы, замки и штыки имели разное происхождение.

Итак, наша работа показала, что русские пехотные ружья первого десятилетия XVIII в. были большей частью сборными и включали детали, произведенные в разных местах в разное

время. Принципиально сборным было оружие, произведенное на Бархатном дворе в Москве в 1700–1707 гг., в лучшем случае мастера Ствольного приказа изготавливали ложи, а стволы, замки, ложевые приборы и штыки могли быть сделаны в самых разных местах. Особо нужно отметить случаи изготовления каких-либо деталей на Бархатном дворе, но провинциальными мастерами – туляками и устюжанами, также и московскими посадскими оружейниками. При этом стволы (отчасти и замки) часто являлись «починочными» деталями, которые могли храниться в царской казне и ожидать ремонта и сборки теоретически десятилетиями. Импортное оружие (и его детали) после ремонта на Бархатном дворе также не может более определяться как только европейское. Рассверленные стволы с новыми казенными винтами, замки с переустановленными курками и огнивами, отремонтированные или даже замененные целиком ложи показывают, что такие ружья далее должны определяться как русские с отдельными старыми деталями. Продукция Бархатного двора не может иметь каких-либо характерных признаков, свойственных другим производственным центрам, она представляет собой смешение разных оружейных школ и стилей. Таким образом, основные проблемы, стоящие перед историками оружия, – это поиск в музейных коллекциях сборных мушкетов петровского времени, различение русского и импортного оружия, локализация места производства отдельных деталей.

¹ Опись Оружейной палаты, составленная в 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Л. 370.

² СГГД. Т. 3. М., 1822. С. 316.

³ Яблонская Е. А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII–XVIII веков [Каталог собрания]. М., 2012. С. 22.

⁴ Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. М., 1938. Т. 4. С. 269.

⁵ АЮБ. Т. 2. СПб., 1864. С. 722–723.

⁶ Ларченко М. Н. Перечневая роспись Оружейной казны царя Алексея Михайловича // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 177.

⁷ Там же.

⁸ Выписка Оружейного приказа о расходе оружия. 1652. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Л. 4493. Л. 1–2.

⁹ Яблонская Е. А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII–XVIII веков [Каталог собрания]. М., 2012. С. 22.

¹⁰ ДАИ. СПб., 1895. Т. 9. С. 163.

- ¹¹ Память из Пушкарского приказа в Оружейную палату об отсылке ружья. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21596. Л. 1–2.
- ¹² Бакланова Н. А., Чекал И. В., Заозерская Е. И. Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. М., 1928. С. 67.
- ¹³ О расходе денег на мушкетные стволы. 1685. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52159. Л. 1–2.
- ¹⁴ Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 2. М., 1994. С. 45.
- ¹⁵ Опись Оружейной палаты, составленная в 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Л. 370–375 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 370 об. – 371.
- ¹⁷ Там же. Л. 321 об.
- ¹⁸ Об отдаче станочникам старых мушкетных стволов. 6 июля 1687. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 25299.
- ¹⁹ Выписка Оружейной палаты о привозе сделанных в Туле на прошлой 205 год фузей. 25 февраля 1698. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 33249. Л. 1–2. Вероятно, это дело имело в виду в определителе Л. К. Маковской. См. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 83, сноски 51.
- ²⁰ Тульские оружейники. Сборник документов / Отв. ред. И. Н. Юркин. М., 2003. С. 152.
- ²¹ О даче из Приказа ствольного дела на оружейных дела денег. 27 июня 1697. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 32950. Л. 1.
- ²² О поставке тульским казенным кузнецом Игнатием Васильевым 5000 мушкетов. АВИМАИВиС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 514. 1697. Л. 1.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Есипов Г. В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. С. 150, № 567.
- ²⁵ Мышковский Е. В. Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны // Сб. ИМАИВ. Вып. 4. Л., 1959. С. 71.
- ²⁶ Есипов Г. В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. С. 151, № 567.
- ²⁷ О даче из Приказа ствольного дела на оружейных дела денег. 27 июня 1697. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 32950. Л. 2.
- ²⁸ Чубинский А. Н. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI – начала XVIII в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Ч. IV. СПб., 2014. С. 416–419.
- ²⁹ Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698–1801. История Российских войск. М., 1995. С. 33.
- ³⁰ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 30.
- ³¹ Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 53.
- ³² Дела Оружейной палаты за май–декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 26.
- ³³ Дела Оружейной палаты за январь–июнь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1000. Л. 11.

- ³⁴ Щеглова Н. А. Технический словарь тульских оружейников XVII–XVIII веков. М., 2004. С. 83–84. Автор этого подробнейшего словаря приводит цитату из документа 1713 г. и не вполне точно определяет «шкоцкий» замок как «шотландский ударно-кремневый замок... с огнивом, отделенным от крышки, закрывающей полку».
- ³⁵ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 218.
- ³⁶ Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 46.
- ³⁷ См. также нашу статью «Первые русские алебарды и мортирки» (в печати).
- ³⁸ Память тульскому старосте Панкрату Горбунову о сделании 2000 фузей. 24 янв. 1698. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 33189. Л. 1–2.
- ³⁹ О присылке из Оружейной палаты в Разряд мастеров для прострела 1500 мушкетов. 1697. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 32878. Л. 1.
- ⁴⁰ О Ствольном приказе и Бархатном дворе см. нашу статью «Ствольный приказ и Оружейная палата. Производство строевого оружия на московском Бархатном дворе в 1700–1707 гг.» (в печати).
- ⁴¹ Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992. С. 23.
- ⁴² Поручная запись по иноземце Елизаре Избранте. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 34347. Л. 1.
- ⁴³ Ведомости Оружейной палаты 1701–1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 31 об.
- ⁴⁴ Ведомости Оружейной палаты 1701–1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 23; Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 176.
- ⁴⁵ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 377.
- ⁴⁶ Там же. Л. 378.
- ⁴⁷ Там же. Л. 10 об.
- ⁴⁸ Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 108.
- ⁴⁹ Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 305.
- ⁵⁰ Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 92.
- ⁵¹ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 30.
- ⁵² Дела Оружейной палаты за сентябрь 1703 – март 1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 990. Л. 140.
- ⁵³ Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 108.
- ⁵⁴ Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 6. Скорее всего, две тысячи рублей были авансом, но не полной платой по договору. Если две тысячи составляют полную сумму, то цена одной такой фузеи составляет всего 50 копеек, что может относиться разве ко стволу оружия. Нельзя исключить, что в этой цитате под фузеями надо понимать фузейные стволы.
- ⁵⁵ Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 58.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 994. Дела Оружейной палаты за январь–март 1705. Л. 62; Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 67 об.

- ⁵⁷ Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 282, 293, 293 об., 294, 329 об., 342, 438 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 366.
- ⁵⁹ Там же. Л. 347.
- ⁶⁰ Там же. Л. 192.
- ⁶¹ Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 109.
- ⁶² ПБПВ. Т. 8. Вып. 1. Л., 1948. С. 57.
- ⁶³ Ведомости Оружейной палаты 1701–1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 31 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 32.
- ⁶⁵ Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 28, см. также Л. 29, 31, 46.
- ⁶⁶ Там же. Л. 331.
- ⁶⁷ Там же. Л. 33. См. также Л. 326, 338.
- ⁶⁸ О приделывании на Бархатном дворе новых станков к старым немецким стволам и замкам. 31 мая 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 36073. Л. 1. Что означает определение «крестовская фузья» сказать трудно, возможно, здесь отражено имя поставщика или местность, из которой поставлялись оружие или его детали.
- ⁶⁹ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 76.
- ⁷⁰ Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 438 об.
- ⁷¹ Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 301.
- ⁷² Дела Оружейной палаты за май–декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 174.
- ⁷³ Известно другое значение этого слова – жестяная лента с отверстиями для гвоздей, оковка. Но трудно предположить, как такой материал мог пригодиться при изготовлении ложи и сборке ружей.
- ⁷⁴ Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 305.
- ⁷⁵ Там же. Л. 50.
- ⁷⁶ Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 году. СПб., 1841. С. 81, 84.
- ⁷⁷ Там же. С. 83, 85, 86.
- ⁷⁸ Ведомости Оружейной палаты 1703–1704. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 17 об.
- ⁷⁹ Дела о расходах Оружейной палаты 1709. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1006. Л. 17.
- ⁸⁰ Шокарев Ю. В. Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII в. // Из истории русской армии и оружия. Труды Государственного ордена Ленина Исторического музея. Вып. 64. М., 1987. С. 27.
- ⁸¹ Дела Оружейной палаты за январь–июнь 1708. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1003. Л. 37.
- ⁸² Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 64.
- ⁸³ Ведомости Оружейной палаты 1701–1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 92 об.
- ⁸⁴ Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 328.
- ⁸⁵ Там же. Л. 175.

- ⁸⁶ Там же. Л. 359 об.
- ⁸⁷ Ведомости о приходе и расходе денежной казны Оружейной палаты за 1703–1704. Л. 116.
- ⁸⁸ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 128.
- ⁸⁹ Там же. Л. 162.
- ⁹⁰ Там же. Л. 317.
- ⁹¹ Там же. Л. 303.
- ⁹² Дела Оружейной палаты за май–декабрь 1706. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 999. Л. 29.
- ⁹³ Дела Оружейной палаты с марта по август 1703. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 989. Л. 176 об.
- ⁹⁴ Дела Оружейной палаты за январь–июнь 1707. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1000. Л. 27.
- ⁹⁵ Поручная запись по иноземце Елизаре Избранте. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. д. 34347. Л. 1.
- ⁹⁶ Дела Оружейной палаты за январь–март 1705. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 994. Л. 285 об.
- ⁹⁷ Дела Оружейной палаты за июль–декабрь 1702. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 987. Л. 3, 5.
- ⁹⁸ Рапорт Оружейного правления о приеме в артиллерию ружей. 1724. АВИМАИиВС. Ф. 2. Оп. 7. Д. 14. Л. 4, 7. Текст документа передан К. В. Нагорным в интернет-публикации http://www.reenactor.ru/ARN/ARN/Arxiv_12.pdf. Время обращения 19.01.2023.
- ⁹⁹ См. Новоселов В. Р. Закрытие Мастерской палаты и перевод ее мастеров в Санкт-Петербург // Оружейный сборник. Вып. I. Материалы заседаний Оружейного семинара Государственного Эрмитажа, 2016–2020. Памяти Л. И. Тарасюка. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2021. С. 268. В 1700-х гг. Аввакумов был, пожалуй, лучшим замочным мастером Оружейной палаты, уступая разве что Афанасию Вяткину.
- ¹⁰⁰ Дела Оружейной палаты за октябрь–декабрь 1705. РГАДА, Ф. 396. Оп. 2. Д. 996. Л. 283.
- ¹⁰¹ Чубинский А. Н. Русские «двухаршинные» стволы из собрания Оружейной палаты и пищали 1674 года // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Десятой Международной научно-практической конференции. Часть 3. СПб., 2021. С. 420–421.
- ¹⁰² Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение / Под ред. В. И. Егорова М., 2008. С. 124.